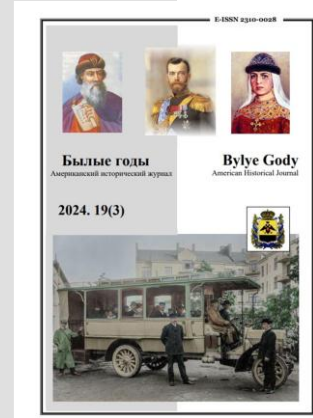

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1215-1227
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1215

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Influence of the Exile on the Dynamics of Socio-Demographic and Ethnocultural Processes in the Population of the Yenisei Province in the XIX – early XX centuries

Vera I. Fedorova ^{a, *}

^a Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Russian Federation

Abstract

The article examines the influence of exiles on the dynamics of socio-demographic and ethnocultural changes in the population of the Yenisei province at the turn of the XIX–XX centuries. The article considers the number, gender, age, social class, ethno-confessional composition, migration of exiles, their role in the reproduction of the population, the formation of the labor market and a new socio-class structure of the industrial-urban type. It is argued that the impact of the link was ambiguous. On the one hand, it increased the rural population, which led to the conservation of the agrarian society. On the other hand, it accelerated social differentiation in the countryside and formed a labor market. At the same time, the quality of the labor force represented by the exiles was extremely low, which led to the preservation of semi-serfdom forms of exploitation, underestimation of the real cost of labor of employees and aggravated the status of Siberia as a colonial suburb.

Being polyethnic in its composition, the exile contributed to the formation of Siberian identity, which was the result of the acculturation of different ethnic groups, which made Siberian society receptive to the cultural experience and values of other peoples.

Keywords: exile, exiles, penal colonization, mechanical, natural population growth, marriage, age and sex structure, socio-class structure, ethno-confessional composition, migration, acculturation.

1. Введение

Актуальность изучения массовой ссылки в современном сибиреведении обусловлена ее исключительной ролью в жизни края. На ранних этапах освоения Сибири она служила основным способом колонизации региона, но породила столько проблем в его развитии, что вынудила власть радикально пересмотреть понимание места и роли Сибири в составе государства. Потребовалось осмысление сложного комплекса вопросов о последствиях ссылки, в том числе, ее влияния на социально-демографические и этнокультурные процессы в регионе. Поэтому данная тема становится актуальной для российской науки еще в XIX в. и не утрачивает своего значения для современных историков, поскольку в процессе ее изучения обнаруживается переплетение столь сложных связей, которые требуют объединения усилий историков и ученых из других областей гуманитаристики, а также использования междисциплинарных подходов и новых теоретико-методологических траекторий.

2. Материалы и методы

Источниковую базу исследования составила текущая административная статистика, опубликованная в «Статистических обзорах Енисейской губернии» и «Памятных книжках». Они дают сведения, позволяющие выявить динамику численности ссыльных по годам, их удельный вес в составе населения губернии. Исключительную ценность имеют «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии»,

* Corresponding author

E-mail addresses: vi-fedorova@yandex.ru (V.I. Fedorova)

изданные в 1893 г. под эгидой ВСОРГО. Они стали результатом научной экспедиции по статистическому обследованию крестьянского хозяйства, организованной по инициативе генерал-губернатора Восточной Сибири А.П. Игнатъева в преддверии землеустроительной реформы. Глава о населении Енисейской губернии была подготовлена В.Ю. Григорьевым, а ее раздел о ссыльнопоселенцах – И.Г. Шешуновым. «Материалы» содержат уникальные сведения по демографии: рождаемости, смертности, гендерному составу, миграциям. В основу изучения была положена сплошная подворная перепись. Репрезентативность результатов статистического обследования получила высокую оценку в научном сообществе, а их участники были удостоены золотой медали ИРГО.

В настоящем исследовании представлена попытка дать комплексный анализ ссыльных как специфической социально-демографической группы, обладающей определенным типом демографического и социализирующего поведения. Объединяющим признаком ссыльных всех категорий является маргинальность, связанная с преступным прошлым и отторжением от прежней локальности. Характеристика этой группы дает материал для анализа влияния массовой ссылки на социально-демографическую и этнокультурную динамику населения Енисейской губернии XIX – начала XX в. Таким образом, исследование лежит на стыке исторической демографии и социальной истории, что предполагает использование междисциплинарных подходов. Изучение поставленной проблемы осуществляется в рамках социокультурного регионоведения, открывающего перспективы соотношения общих закономерностей перехода от обществ аграрного типа к индустриально-урбанистическому.

3. Обсуждение

В дореволюционной историографии начало изучению ссылки в социальном аспекте было положено Е.Н. Анучиным. В работе «Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов» (СПб., 1873) ученый рассмотрел динамику численности, социальный, половозрастной, этно-конфессиональный состав ссыльных. Полученные им данные позволяют выявить масштабы и социально-демографический потенциал ссылки

Большая заслуга в разработке проблемы принадлежала Н.М. Ядринцеву. В исследовании «Сибирь как колония» он поднимает вопросы социальной адаптации ссыльных, их участия в хозяйственной и общественной жизни, взаимоотношения с местным населением. Ядринцев пришел к выводу о том, что «увеличение населения Сибири путем ссылки было крайне ничтожно» (Ядринцев, 1882: 203). Он объяснял это особенностями половозрастного состава и слабой степенью социализации ссыльных в сибирском обществе. Особенно он акцентировал тему отрицательного значения ссылки для формирования гражданских институтов, без которых, как он считал, Сибирь была обречена оставаться колонией в составе России.

Критического подхода в изучении ссылки придерживался идеолог областничества А.П. Шапов, а также авторы народнического направления В.Л. Серошевский и С.Л. Чудновский, которые единодушно отмечали ее пагубное влияние на развитие сибирского общества (Шапов, 1937; Серошевский, 1908; Чудновский, 1886). А.П. Шапов утверждал, что заселение Сибири уголовными ссыльными оказывало отрицательное воздействие на формирующуюся «сибирско-русскую народность». Это сказывалось не только на ослаблении физического здоровья сибиряков, так как ссыльные были обременены всевозможными физическими дефектами и болезнями, но и на подрыве устоев общинной солидарности и привносило дух «наживательства, эксплуатации и мироедства» (Шапов, 1937: 283).

Важной вехой в изучении проблемы стало исследование начальника Главного тюремного управления А.П. Саломона «Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения» (СПб., 1900), подготовленный им по материалам командировки в Сибирь в связи с предстоявшей реформой пенитенциарной системы в России. В работе был обобщен колоссальный материал о численности, составе, размещении, занятиях, материальном положении ссыльных. Данный материал был предоставлен губернскими экспедициями о ссыльных в виде ответов на вопросы анкеты, разработанной Главным тюремным управлением. По полноте документальных данных и широте проблематики, охватывающей характеристику законодательной базы ссылки, это исследование в дореволюционной историографии можно считать одним из лучших. Автор убедительно показал, что результат ссылки ничтожен: «из 300 тыс. ссыльных только 4500 имеют шанс окончательно слиться с старожильским населением» (Саломон, 1900: 337). Он сравнивает ссылку с крепостным правом, которое к моменту отмены исторически себя уже изжило.

В советской историографии фокус исследовательской проблематики в изучении ссылки смещается в область политической истории. В это время преимущественно изучается политическая ссылка, которая рассматривается как неотрывная часть истории революционного движения. Ссылка как фактор социально-демографических процессов изучалась не как самостоятельный предмет, а в рамках работ по исторической демографии А.Р. Шнейдера, В.В. Покшишевского, В.М. Кабузана, В.В. Воробьева, В.И. Пронина (Шнейдер, 1928; Покшишевский, 1951; Кабузан, 1979; Воробьев, 1975; Пронин, 1981).

Особо стоит выделить работы Е.И. Соловьевой и А.Д. Марголиса. Соловьева, рассматривая ссылку как фактор формирования сельского населения, приходит к выводу о том, что «ее колонизационное значение не следует преувеличивать», так как ссыльные слабо участвовали в воспроизводстве населения (Соловьева, 1983: 226). Марголис основное внимание уделяет анализу статистики, отражающей динамику численности и расселения различных категорий ссыльных, их долю среди сибирского населения. Историк утверждает, что массовая ссылка, сыгравшая известную роль в заселении Сибири, к середине XIX в. «постепенно теряет всякий смысл». Он рассматривает ссылку как «проявление хищнической колониальной политики царизма», сознательно превращавшего «огромную восточную окраину в колонию ссыльных, скопище уголовных элементов» (Марголис, 1975: 237).

Таким образом, однозначной оценки роли ссылки в колонизации Сибири у советских историков не сложилось. В постсоветский период наблюдается возрождение интереса историков к всестороннему изучению ссылки как многогранному социально-демографическому, экономическому, политическому и культурному явлению. В работах М.В. Шиловского, А.А. Сысоева, А.А. Иванова рассматривается комплекс вопросов, связанных с особенностями социальной интеграции ссыльных в сибирское общество, их вклад в хозяйственное развитие края, влияние на демографию и формирование социально-классовой структуры, межэтнические отношения (Шиловский, 2004; Сысоев, 2003; Иванов, 2014).

Плодотворным для исследования ссылки как сложного социокультурного феномена является новый дискурс, раскрывающий образ ссылки в восприятии власти и общества, который получил развитие в трудах А.М. Хламовой и В.П. Шахерова (Шахеров, 2005; Хламова, 2010).

4. Результаты

С ранних этапов освоения Сибири власть рассматривала ссылку не только как меру борьбы с криминальным элементом в обществе, но и как инструмент колонизации сибирского края. Так, уже в XVII в. труд ссыльных использовали при строительстве Енисейского и Красноярского острогов, ими заселяли прилегающие к острогам земли, на которых они вели земледельческое хозяйство. В XVIII в. начинается заселение ссыльными Сибирского тракта. На основании указов 1762–1763 и 1763–1765 гг. только в Красноярский уезд было выслано до 3 тыс. душ ссыльных (Семевский, 1901: 181). Ссыльные также становятся основным контингентом рабочих на Луказском и Ирбинском металлургических заводах на юге края. Часть из них расселялась вокруг заводов, образуя небольшие деревеньки. Однако их доля в составе постоянного населения юга Приенисейского края не превышала 8 % податного населения.

В XIX в. правительство решило распространить на Сибирь практику устройства казенных поселений. Они повторяли идею военных поселений, модифицированную с учетом специфики региона, выполнявшего функцию штрафной окраины, поэтому в них селили ссыльнопоселенцев. В 1827 г. Сибирский комитет разрешил устройство поселений в Енисейской губернии. В короткий срок здесь было создано 22 поселения в Ачинском, Канском и Минусинском округах.

Контингент поселенцев состоял из проштрафившихся солдат, беглых крепостных, бродяг, крестьян, высланных помещиками. К 1837 г. их численность составила 5 952 душ муж. и 3 835 жен. пола (Гагемейстер, 1854: 114). Поселенцы освобождались от уплаты податей и выполнения повинностей, за исключением воинской, получали от казны ссуду, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот. Труд их был строго регламентирован. Однако эксперимент закончился полным провалом, так как поселенцы, не желая заниматься земледелием, либо пускались в бега, либо уходили на прииски, либо бродяжничали. И в 1842 г. власти отказались от подобной практики, переведя казенные поселения в статус обычных сел.

Одним из проявлений штрафной колонизации стала высылка в Сибирь солдат, «опороченных по службе». На местах высылки они верстались в казачьи полки и вместе с семьями расселялись по станицам. Такими штрафниками были заселены в 1860-е гг. станицы Иннокентьевская, Тинская Канского округа, Тенгина и Нижне-Есаульская Красноярского округа, Алтайская Минусинского округа. Однако и этот способ освоения края не оправдал себя, и новоявленные казаки, не желавшие пахать землю и одновременно тянуть ярмо военной службы, пополнили вскоре ряды деклассированного элемента или разошлись по селениям старожилов. Концом неудавшегося эксперимента стало расформирование казачьих полков в 1871 г. и перевод казаков в сословие «крестьян из казаков».

Либеральные реформы 1860–1870-х гг. стали эпохальной вехой в российской истории. В результате реформы 1861 г. крестьяне обрели свободу, но заплатили за нее слишком высокую цену. Выкупные платежи и отрезки наделных земель резко ускорили пауперизацию крестьянства и способствовали росту протестных настроений в деревне. Второй составляющей протестного движения становится деятельность революционных народнических организаций. Все это стимулировало власть к более активному использованию Сибири в качестве штрафной окраины, предназначенной для изоляции протестного контингента. Так, если в предреформенное десятилетие приток ссыльных в Сибирь, по данным А.Д. Марголиса, составлял в среднем 7 057 чел. в год, то в первое пореформенное десятилетие он вырос до 123 543 или 12 354 чел. в год, а к 1880-м гг. ежегодный приток ссыльных

превысил 19 тыс. (Марголис, 1975: 224).

Анализ динамики притока ссыльных в Енисейскую губернию подтверждает отмеченную закономерность. Как видно из таблицы 1, пик приходился на 1860–1870-е гг., когда ссылка достигает своего максимума – 4 330 человек в год. Со второй половины 1870-х гг. она несколько снижается, но все еще остается значительной, давая 38,9 % общего прироста населения губернии.

Таблица 1. Ежегодный приток ссыльных в Енисейскую губернию 1857–1915 гг.

Годы	Численность ссыльных
1857–1861	1375
1862–1866	3252
1867–1871	4330
1872–1876	2797
1877–1881	2156
1883–1885	2050
1886–1896	2006
1897–1902	1202
1903–1905	251
1906–1908	166
1909–1912	682
1913–1915	913

Источник: [Статистический обзор..., 1871–1916](#); [Памятная книжка, 1863–1915](#)

К концу XIX в. в центральных губерниях явственно начинают проявляться признаки аграрного перенаселения, в то время как в Сибири сохраняется огромный резерв свободных земель. Это радикально меняет отношение власти к региону, в котором она отныне видит спасение от аграрного кризиса. Собственно, и постройка Транссиба, облегчавшего вольную крестьянскую колонизацию, во многом была вызвана не только геополитическим поворотом на Восток, но и самой сущностью аграрной политики царизма – сохранить экстенсивную модель сельского хозяйства, ничего не меняя в его экономической и технологической структуре. Одновременно постройка Транссиба обесценила возможность изоляции криминального элемента от центра страны. В итоге политический вектор в отношении региона резко меняется, и из штрафной окраины Сибирь превращается в край вольной крестьянской колонизации. Поэтому законом 12.06.1900 г. ссылка в Сибирь была существенно ограничена. Ссылка на жительство была заменена тюремным заключением. Ссылка на поселение сохранялась только для каторжников, отбывших свой срок, и за преступления религиозного и государственного характера, ссылка на водворение территориально ограничивалась Сахалином, административная ссылка стала срочной с возможностью возвращения в европейскую часть страны. Закон также вводил некоторые ограничения ссылки в Сибирь по приговорам сельских обществ. Это привело к заметному сокращению как общей численности ссыльных, так и их доли в составе сибирского населения, что мы и можем наблюдать посредством статистики по Енисейской губернии. Из [Таблицы 2](#) очевидно, что доля ссылки в составе населения имела устойчивую тенденцию к сокращению, снизившись с максимального значения 18,7 % в 1880-е гг. до 4,1 % к началу Первой мировой войны.

Таблица 2. Доля ссыльных в населении Енисейской губернии

Население	1863	1870	1885	1896	1905	1911	1913
Население губернии	323014	372862	447076	554049	713630	1022486	1119208
Ссыльные	44987	67312	83657	65303	32126	44545	46342
% ссыльных от населения	13,9	18,05	18,7	11,8	4,5	4,4	4,1

Источник: [Статистический обзор..., 1890–1916](#); [Памятная книжка..., 1863–1915](#)

Половозрастной состав ссыльных отражал специфику этого социального контингента. Среди них преобладали люди среднего и старшего возрастов (60 лет и более). Если доля группы среднего возраста среди мужчин из ссыльнопоселенцев ненамного превышала таковую среди старожил (51,4 % и 49,9 % соответственно), то при сравнении группы 60 лет и старше мы видим, что среди ссыльнопоселенцев она более чем в 2 раза превышала таковую у старожил. Менее заметна разница в этой группе среди женщин: 10,4 % и 10,7 %. Естественно, что при такой возрастной структуре ссыльные не могли оказывать сколько-нибудь значительное влияние на динамику естественного

прироста населения в губернии.

Таблица 3. Возрастной состав старожилов и ссыльнопоселенцев в %

Население	Мужчины					Женщины				
	До 7 лет	7-14 лет	14-18 лет	18-60 лет	60+ лет	До 7 лет	7-14 лет	14-18 лет	18-60 лет	60+ лет
Старожилы	20,8	14,3	7,3	49,9	7,7	20,9	11,3	7,3	49,7	10,4
Ссыльнопоселенцы	14,7	11,7	4,8	51,4	17,4	20,6	11,5	7,2	50,0	10,7
Всё население губернии	19,7	13,9	7,0	50,7	8,7	21,0	11,1	7,6	49,8	10,5

Источник: [Материалы..., 1893: 74-75](#)

Соотношение полов среди ссыльнопоселенцев также не способствовало их активному участию в воспроизводстве населения. Если для всего населения губернии соотношение полов составляло 93,5 женщин на 100 мужчин, то среди поселенцев оно было равно 73,8 на 100 ([Материалы..., 1893: 63](#)). Конечно, ссыльнопоселенцы при заключении браков могли рассчитывать на сибирячек. Однако браки с ними были нечастым явлением. В подавляющей массе ссыльнопоселенец – это мужчина старше 40 лет, не имеющий профессии, с подорванным здоровьем, тяжелым жизненным опытом и асоциальными привычками. Хотя по части физических увечий (слепота, глухонмота, нервно-психические расстройства) ссыльнопоселенцы выглядели даже более благополучно на фоне старожилов. Среди мужчин старожилов больные составляли 10,5 на 1тыс., среди женщин – 5,4, а среди мужского населения ссыльнопоселенцев доля увечных – 7,5, у женщин – 7,0 ([Материалы..., 1893: 92](#)). Тем не менее ссыльнопоселенец как потенциальный глава семьи вряд ли мог привлекать сибирячек, так как по своему социальному статусу он относился к париям сибирского общества. У 51,5 % из них не было своего жилья.

Губернские власти, заинтересованные в успешной социализации ссыльных, пытались стимулировать сибиряков к тому, чтобы те включали их в свои семьи. Так, семьи, принявшие ссыльных в свой состав посредством брака, получали денежное пособие 50 руб. Однако охотников польститься на этот капитал из года в год становилось все меньше, и к концу XIX в. эту практику прекратили. Поэтому тем ссыльнопоселенцам, которые все-таки решались завести семью, приходилось рассчитывать на женщин из их круга: ссыльных поселенок, вдов ссыльнопоселенцев или их дочерей. Но такие семейные союзы, как правило, оставались невенчанными и считались незаконным сожительством. Так, на 1892 г. почти 66 % поселенок числились в незаконном браке с поселенцами ([Материалы..., 1893: 104](#)).

Некоторых осужденных в ссылку сопровождали семьи, но они составляли менее пятой части от общей численности ссыльных. Так, за 1886–1897 гг. из общего числа ссыльнопоселенцев лишь 2698 (19,2 %) прибыли в Енисейскую губернию с семьями ([Саломон, 1900: 282](#)). В итоге брачность среди ссыльнопоселенцев на 1892 г. в 4-х округах губернии составляла 41%, что существенно ниже по сравнению со старожильческим населением – 82 % ([Материалы..., 1893: 104](#)).

Второй причиной, повлиявшей на низкий процент семейных среди ссыльных, было брачное законодательство, согласно которому право подать на развод имела только неосужденная сторона. Ее отказ делал для осужденных вступление в новый брак в ссылке невозможным. Кроме того, для некоторых категорий существовали ограничения на вступление в брак. Так, сосланным на водворение рабочим запрещалось в течение 5 лет после поселения вступать в брак.

Семьи ссыльных, как правило, были малодетными. Средняя людность семей ссыльнопоселенцев составляла 1,5 человека, тогда как у старожилов – 5,6. По количеству работников семьи ссыльнопоселенцев очень сильно проигрывали старожилам. Среди них преобладали семьи, не обеспеченные работниками (28,4 %), хорошо обеспеченные, с двумя-тремя работниками было только 1,5 %. Тогда как у старожилов семьи, не обеспеченные работниками, составляли 7,3 %, а хорошо обеспеченные – 30,8 % ([Материалы..., 1893: 68](#)).

Ссылка с первых этапов своей истории оказывала заметное влияние на этнический состав сибирского населения. Уже в XVII-XVIII вв. в Сибирь начали выселять пленных военнослужащих. В Приенисейском крае можно было встретить поляков, украинцев, шведов, финнов, немцев, участвовавших в Северной войне. Позднее практика высылки в Сибирь иностранных военнопленных вплоть до Первой мировой войны была приостановлена. В XIX–XX вв. ряды иноэтнического контингента сибирского населения стали пополнять участники национально освободительного движения в Польше, Украине, Закавказье, Поволжье Средней Азии. В тех случаях, когда высылка нерусских народов носила массовый характер и репрессированные исчислялись тысячами человек, возникали компактные этнические диаспоры, члены которых стремились сохранить свою идентичность.

Ярким примером в этом отношении служит история поляков, высланных в губернию за участие в восстании 1863-1864 гг. К концу 1865 г. численность сосланных поляков в губернии составила

3 204 человека. В дальнейшем в результате внутренних перемещений из других регионов Сибири она достигла своего максимума – 4 419 человек. Надо заметить, что термин «польская ссылка» в исследовательской литературе носит условный характер, так как этнические поляки, действительно, составляли ее ядро. Однако среди ссыльных было немало выходцев из западных губерний (Ковенской, Вольнской, Виленской, Гродненской), которые являлись белорусами, литовцами, немцами, украинцами. В Енисейской губернии они составляли 45 %.

В результате расселения поляков на территории губернии сложилось несколько колоний в волостях Минусинского, Красноярского и Канского округов. Численность поляков в отдельных волостях составляла 300-350 человек. Например, в Тесинской волости находилось 339 человек, в Шушенской – 239, в Абаканской – 352. А в некоторых селах ссыльных поляков было больше, чем старожилов. Среди высланных преобладали мужчины среднего возраста от 30 до 50 лет (35,8 %), хотя немалую когорту составляла и молодежь от 19 до 29 лет (23,7 %), до 18 лет – 10 %, старше 50 лет – 9,5 % (Береговая, 2007: 13). В подавляющей массе они были либо неженаты, либо их семьи остались на родине. А поскольку пребывание поляков в ссылке затянулось почти на 20 лет, то многие из них стали вступать в брак с местными женщинами.

Наиболее активно интеграция поляков в сибирское общество шла среди лиц податных сословий, которые в ссылке обратились к крестьянским занятиям. В этом случае брак с сибирскими крестьянками не только не ронял их социальный статус, но даже позволял достичь более высокого уровня материального благополучия. Ведь изобилие ресурсов, необходимых для ведения крестьянского хозяйства, в Сибири выгодно отличалось от родной Польши или Литвы. Некоторые из них, чтобы добиться успехов в хозяйственной деятельности, которые давали семейно-родственные связи, переходили в православие и, как говорили товарищи по ссылке, «осибирячивались». Правда, в этот термин вкладывалась негативная коннотация, так как большинство этнических поляков очень ревностно относились к сохранению «польского духа». В то же время проявления культурной или конфессиональной конфронтации между сибиряками и поляками встречались очень редко. В городах возводились католические костелы, и польские врачи, инженеры, ученые, коммерсанты, журналисты, учителя, музыканты, невзирая на многочисленные полицейские запреты, находили самый теплый прием у сибиряков. Сибирские крестьяне охотно принимали в сельские общества поляков. Многие их усыновляли, то есть брали в семьи в качестве потенциальных мужей, зятьев. Сибирское общество очень нуждалось в культурных кадрах, а польские ссыльные в этом смысле представляли очень ценный ресурс, поэтому ни этноконфессиональные, ни административно-полицейские барьеры не помешали активной аккультурации сибиряков и поляков. Общая цель культурной миссии, основанной не на традиционной этноконфессиональной идентичности, а на ценностях культурного модерна, ядро которого составляли идеи социального прогресса и гуманистическая парадигма развития общества, сближала русскую и польскую интеллигенцию. Это дает основание некоторым исследователям говорить о формировании особого типа социокультурной идентичности – сибирских поляков.

В конце XIX – начале XX вв. уже не было столь массовых высылки поляков, тем не менее польская диаспора пополнялась и в этот период, главным образом, за счет высылки участников массовых протестных выступлений в годы Первой русской революции и общественно-политического подъема 1910-1912 гг. В целом доля поляков в этнической структуре населения губернии на 1912 г. составила 1 % (Памятная книжка..., 1913: 187).

Другая компактная этноконфессиональная группа ссыльных состояла из лютеран, расселившихся на территории Минусинского округа. Пионерами евангелическо-лютеранской колонизации в Енисейской губернии стали ссыльнопоселенцы, переселившиеся в 1847 г. из Западной Сибири. Первоначально небольшая группа из пяти семей поселилась на берегу Енисея в 200 верстах ниже Минусинска. Но место оказалось неудобным для ведения крестьянского хозяйства, и в 1850 г. колонисты переехали на берега р. Суэтук, основав поселение Верхний Суэтук. Вначале это было смешанное поселение, в котором проживали финны, эстонцы, латыши, но по мере притока новых поселенцев лютеранского вероисповедания в 1858 г. из него выделилась группа латышей, основавших моноэтническое поселение в 20-ти верстах. А в 1861 г. из Верхнего Суэтука отделились эстонцы, основав в 8 верстах от латышского поселения свое, назвав его Верхняя Буланка. Население колоний быстро росло как за счет миграции лютеран из других мест губернии, так и за счет естественного прироста, и к 1864 г. в трех колониях численность населения уже составила 1 222 чел. (Памятная книжка..., 1865: 68).

Активная динамика численности лютеранского населения объясняется тем, что дело расселения лютеран в Сибири взяла под свой контроль Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, которая обратилась в МВД с предложением о компактном расселении своей паствы в Восточной Сибири. Позднее к решению этого вопроса подключились власти Великого княжества Финляндского. В 1863 г. был издан указ Александра II о создании лютеранского прихода в селении Верхний Суэтук. В соответствии с ним предполагалось, что лютеранского пастора будет назначать Финляндский Сенат. Он должен был осуществлять религиозный надзор не только за финнами, но и латышами, и эстонцами. А с 1870 г. всех лютеран, высылаемых в Восточную Сибирь, стали направлять в эти три поселения в соответствии с этнической принадлежностью: финнов – в Верхний Суэтук,

латышей – в Нижнюю Буланку, эстонцев – в Верхнюю Буланку.

В разделении по этническому признаку были обоюдно заинтересованы как власть, так и сами поселенцы. Для первых это упрощало задачу землеустройства поселенцев, так как для более компактных поселений было проще организовать землеотведение. Для вторых – облегчало организацию церковной службы и обучения детей на родном языке. В целом хозяйственная и общественно-культурная жизнь лютеранских колоний протекала в отрыве от тех проблем, которыми жило сибирское общество. Колонистов больше интересовали события, происходившие на их исторической родине, нежели рядом с ними. Они выписывали финские, латышские, эстонские газеты, так как русского языка практически не знали. Преподавание в школах велось на родном языке. Попытка сибирского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина в 1895 г. ввести в лютеранских школах преподавание русского языка, а сами школы передать в ведении МНП, натолкнулась на сопротивление Министерства финансов, так как это неизбежно бы привело к переводу школ на финансирование из российского бюджета. Столичных чиновников вполне устраивало, что все затраты на содержание школ и социальную поддержку ссыльных лютеран брала на себя Генеральная евангелическо-лютеранская консистория, поэтому колонисты существовали как некий этнокультурный анклав, живший своим замкнутым социально-экономическим и культурным укладом.

Кроме поляков и разных этносов евангелическо-лютеранской конфессии, самую многочисленную (1094 чел.) иноэтническую группу среди ссыльных губернии составляли кавказские народы (грузины, осетины, мингрелы, черкесы, чеченцы и др.). Однако они не представляли сколько-нибудь консолидированное сообщество и были рассеяны на громадных пространствах. Судя по тому, что соотношение мужчин и женщин среди них было практически равным, можно полагать, что они селились семьями и в ссылке сохраняли свой этнокультурный уклад, не смешиваясь с местным населением.

Социально-сословный состав ссыльных являл собой зеркало сложных пертурбаций, которые переживало российское общество, находившееся в стадии перехода от традиционной модели к индустриально-урбанизированной. Рушились старые патриархальные институты, внутрисословные и семейные связи, массы людей выталкивались из привычной жизненной колеи, меняя не только место жизни, где веками обитали их предки, но и свой социальный статус. Радикально менялись социально-культурные и морально-этические ориентации.

Маргинализация, коснувшаяся практически всех слоев российского общества, породила огромную волну преступности. По данным Б.Н. Миронова, индекс преступности в 1850–1860 гг. составлял 95 % от уровня начала XIX в., а в 1911–1913 – 305 % (Миронов, 1999: 84). При этом в структуре преступлений возрастает процент тяжелых, главным наказанием за которые являлись ссылка и каторга. В исследовании Е.Н. Анучина приводится статистика преступлений по сословиям. Очевидно, что самой многочисленной группой среди сосланных в Сибирь являлись крестьяне – 79,77 %. Затем в порядке убывания следовали военные – 8,87 %; мещане – 7,89 %; дворяне – 2,43 %; духовенство – 0,78 %; купцы – 0,25 %. В целом на долю податных сословий, осужденных к ссылке, приходилось 96,54 %, привилегированных – 3,46 % (Анучин, 1873: 71).

Данные Анучина относятся к 1840 – началу 1860-х гг., однако к концу XIX – началу XX вв. пропорциональное их соотношение почти не изменилось. По-прежнему сохранялась высокая доля крестьянства, что было связано с ускорением социальной дифференциации, увеличением безземельного крестьянства, уходившего в города и нередко попадавшего там в криминальные структуры. В начале XX в. повышение численности крестьян среди ссыльных было связано с активным протестным движением в деревне. Пик высылки крестьян в Сибирь, участвовавших в протестных выступлениях в период Первой русской революции, пришелся на 1907–1908 гг. Вторая волна высылки крестьян начинается в 1909–1911 гг. и была связана с массовыми выступлениями против Столыпинской реформы. Высокая доля мещан в составе ссыльных также была обусловлена активной ролью городского населения в бурном протестном движении, охватившем Россию в начале XX в.

Доля высших сословий среди высланных в Сибирь в этот период также имела тенденцию к росту. В структуре преступлений представителей этой группы заметно увеличивается доля дел имущественного характера: подлоги, растраты, присвоения казенных средств и злоупотребления на государственной и общественной службе. Одним из самых ярких событий, отразивших эту тенденцию в российском обществе, стало дело «червонных валетов». Члены «Клуба червонных валетов», объединившего представителей высшей дворянской знати (из 48-ми 36 были высокопоставленными чиновниками, богатыми помещиками), используя связи во власти и деловых кругах, в течение 8 лет организовали множество финансово-экономических афер, ущерб от которых исчислялся в сотнях тысяч рублей. По своей дерзости деятельность «валетов» не имела аналогов в российской криминалистике. Судебный процесс над ними имел громкий резонанс в российском обществе, поколебав представления о том, что криминальные финансовые аферы – это преимущественно сфера зарождающейся буржуазии («колупаевых, разуваевых чумазах»), а не благородного дворянства. Один из организаторов клуба, И.М. Давыдовский, был лишен всех прав и состояний и выслан на поселение в Енисейскую губернию, где пробыл до 1902 г. (Дело о клубе «Червонных валетов», 1997: 142–252).

Среди дворянства сохранялось лидерство и по преступлениям против государства, дававших основной приток политических ссыльных в Сибири. Так, среди лиц, высланных по политическим

процессам 1870–1880-х гг. в Енисейскую губернию, дворянство составляло почти 70 %. Оно лидировало и в начале XX в., но в это время, по признанию самих участников движения, в ссылку «пошла улица», то есть выросла доля низших сословий, сославшихся по политическим преступлениям.

Ссылка оказывала неоднозначное влияние на изменения в социальной структуре населения губернии. Поскольку основной ее контингент составляли крестьяне, то увеличение их доли вело к консервации социума аграрного типа. В Сибири поселенцы приписывались к сельским обществам, получая статус крестьян из ссыльных, но отличие их от старожилов проявлялось лишь в том, что они временно пользовались некоторыми льготами в уплате податей и исполнении повинностей. С окончанием льготного срока отличия фактически исчезали. С другой стороны, ссылка вела к увеличению пролетарских слоев в деревне, следствием чего являлось разложение крестьянства как традиционного сословия. Пополняя ряды сибирского крестьянства, ссыльные составляли его низшую страту. По данным обследования губернского статистического комитета, в 1892 г. из 15 943 ссыльнопоселенцев, причисленных к сельским обществам в 4-х округах губернии, 14,9% жили на иждивении в семьях старожилов, 4,7 % – нищенствовали, 0,1% – бродяжничали (*Материалы..., 1893: 90*). Таким образом, почти пятая часть ссыльнопоселенцев не занималась производительным трудом, паразитируя в качестве иждивенческого балласта и криминального элемента. Из тех, кто жил своим трудом, 46,8 % являлись наемными работниками. Из них 5,9 % занимались поденной работой, 32,2 % являлись сроковыми работниками, 9,6 % – поденщиками, работали на приисках – 5 % (*Материалы..., 1893: 94*). Только 8,7 % занимались земледелием, 17,6 % вели комбинированное хозяйство (земледелие и промыслы), 19,3 % занимались кустарными промыслами, 3,5 %, – извозом и лесозаготовками, 5,2 % – торговлей и интеллигентными профессиями (*Материалы..., 1893: 94*). В городах ссыльные могли поступать на службу в частные фирмы, судоходные компании, до судебной реформы в Сибири 1897 г. вести юридическую практику. Из приведенной группировки ссыльнопоселенцев по занятиям следует, что почти половина их уходила в сферу наемного труда. Поэтому именно ссылка становится главным фактором формирования рынка наемной рабочей силы в регионе. Ссыльные давали 25 % всех батраков и 15 % поденщиков в губернии (*Материалы..., 1893: 94*).

Однако даже те, кому удавалось подняться выше пролетаризирующейся массы и завести свое хозяйство, занимали, как правило, низшие ступени в социальной иерархии мелких хозяев. Доля безлошадных и безземельных из тех, кто занимался земледелием, составляла среди них соответственно 58,2 % и 72 %. Малоземельный контингент в их среде был равен 58 %. И очень тонкой (10,5 %) была прослойка середняков. Они почти не прибегали к наемному труду, зато сами выступали в роли работников в хозяйствах старожилов. Если из крестьян старожилов в работники шли от 7-до 26 %, то у ссыльных – 55,2 %.

Редко выходцы из ссыльных крестьян меняли свой статус, переходя на более высокую ступень социальной лестницы. В качестве примера можно привести известного в начале XX в. сибирского предпринимателя И.В. Кулаева. Его отец начинал свой путь на Олимп богатства с должности писаря в одном из сел Назаровской волости. К этому селу он приписался после отбытия каторжного срока. Писарь – это не последний человек в деревне, он мог оперировать капиталом сельского общества, а, кроме того, Кулаев обладал опытом предпринимательской деятельности еще до каторги. Поэтому ему удалось довольно скоро разбогатеть на хлебной торговле. Нажитый капитал он инвестировал в золотопромышленность и создание Ачинского медеплавильного завода. К концу жизни Кулаев уже достиг гильдейского звания и оставил детям немалый капитал. Однако подобный пример нельзя назвать типичным для ссыльнопоселенцев. Такой скачок по социальной лестнице требовал незаурядных личностных качеств, которыми ссыльнопоселенцы как социальный тип в подавляющей массе не обладали.

Ссылка оказала определенное влияние на формирование социопрофессиональных групп, характерных для индустриально-урбанизированного социума. Это, прежде всего, группы интеллигентных профессий: учителя, врачи, служащие административно-управленческого аппарата. Уровень грамотности среди поселенцев был существенно выше, чем у сибирских старожилов – 15,4 % и 9,8 % соответственно (*Материалы..., 1893: 36*). Поэтому очень часто они входили в сельскую администрацию в качестве писарей, занимались обучением грамоте детей, медицинской практикой. Так, высланный за участие в революционной деятельности Ф.В. Гусаров с 1906 по 1914 гг. работал сельским врачом в с. Еланском Енисейского уезда, а с 1914–1917 гг. – заведующим хирургической лечебницей в Красноярске. В 1917–1918 гг. возглавил губернский отдел здравоохранения. В 1903–1906 гг. политический ссыльный Н. Вигдорчик был назначен на должность участкового врача с. Есаулово Красноярского уезда. Политические ссыльные работали в качестве инженерно-технических специалистов на строительстве Обь-Енисейского канала, на золотых приисках.

Ссыльные являлись самым подвижным элементом среди местного населения. Исследование губернского статистического комитета выявило, что в подавляющей массе они не вели хозяйственную деятельность на местах поселения, а уходили в поисках источников дохода в другие местности. По данным обследования 1892 г., в 4-х округах губернии из каждых 100 ссыльных только 30,2 находились в местах своей приписки, 15,4 отсутствовали по отпускным билетам и 54,4 отсутствовали без вести (*Материалы..., 1893: 81*). В абсолютном выражении группа отсутствовавших без вести

исчислялась десятками тысяч людей, которые находились в постоянном движении по селам, городам губернии и за ее пределами, перемещаясь в поисках временных заработков или какого-либо приюта. Они не имели цели получить постоянную работу и заработок, а направлялись туда, где было легче прожить, не прилагая к этому особых усилий. В этом смысле такое движение сложно квалифицировать как трудовую миграцию, хотя, конечно, оно могло влиять на рынок труда, давая избыток дешевой и абсолютно бесправной рабочей силы.

Уголовная ссылка превращалась в тяжелейшее испытание для местных жителей. Тысячами ссыльные зимовали вокруг городов и сел, держа население в страхе перед грабежами, убийствами, превращая Сибирь, по выражению Н.М. Ядринцева, в «постоянное поле битвы». Треть всех преступлений в губернии, как следует из жандармских сводок, приходилось на долю ссыльнопоселенцев. Кроме того, ссылка ложилась тяжелым бременем на сибирских обывателей, поскольку они должны были обеспечивать содержание тюрем, этапов, доставлять подводы и лошадей для провоза партий ссыльных. Это, конечно, сказывалось на отношении сибиряков к ссыльным, воспринимавших их не только как чужеродный, но и враждебный элемент.

5. Заключение

В ходе исследования выявлены следующие результаты.

1. Ссылка выступала фактором механического прироста населения в губернии, давая в первые пореформенные десятилетия 38,9 % общего прироста. Но по мере изменения вектора колонизационной политики власти ее влияние падало не только в количественном, но и в качественном отношении. В силу своего половозрастного состава (диспропорции полов, преобладании групп старшего возраста) и слабой социализации ссыльнопоселенцы не могли активно влиять на воспроизводство населения. В 1890 г. доля ссылки в общем приросте населения уже снизилась до 29,7 %, а в начале XX в. естественный прирост превысил численность ежегодно поступающих в губернию ссыльных более чем в 40 раз.

2. Ссылка являлась ускорителем миграционных процессов. Однако они отличались от индустриально-урбанистической модели, при которой движение населения шло из деревень в города, способствуя формированию рынка труда. В Сибири существовало ограничение для проживания ссыльных в городах, поэтому главной сферой приложения их труда являлось сельское хозяйство и прииски, где занятость носила сезонный характер и не требовала высокой профессиональной квалификации. В основном ссыльные давали грубую мускульную силу при низкой мотивации и трудовой дисциплине. В итоге сохранялась проблема нехватки высококвалифицированных рабочих. А поскольку ссыльные не имели в подавляющей массе законного разрешения на выход, то их трудоустройство зачастую носило нелегальный характер и порождало уродливые формы эксплуатации. На приисках, например, даже в 1890-е гг. сохранялись живые следы крепостничества, когда рабочих в обход законов о найме рабочей силы просто передавали от одного хозяина к другому, не разрешая увольняться.

3. Использование дешевого и фактически подневольного труда снижало мотивацию предпринимателей к технической модернизации и цивилизованным формам найма рабочих. Огромный резерв дешевой рабочей силы в виде бесправного контингента ссыльных вел к занижению реальной стоимости труда наемных работников. Это усугубляло статус Сибири как колониальной окраины в российской экономической системе.

Огромные расстояния и слабость полицейско-бюрократического аппарата не позволяли регулировать миграции на правовой основе, и они превращались в стихийное движение ссыльных, которое вызывалось не столько экономической мотивацией, сколько иррационально понимаемой тягой к воле и заканчивались бесцельным бродяжничеством.

4. Ссылка являлась фактором, ускорявшим социальную дифференциацию крестьянства, увеличивая долю беднейшего слоя. Собственную пашню среди крестьян из ссыльных имели только 10-20 %. Из них всего лишь 0,5 % имело запашку 20 дес. и более, то есть перешагнуло порог бедноты. Хозяйства ссыльнопоселенцев имели низкую обеспеченность рабочим скотом, давали самую большую группу арендаторов.

5. К отрицательным социальным последствиям ссылки следует отнести рост криминогенности. С учетом того, что судебно-полицейский аппарат был малочисленным, преступность превращалась в острую социальную проблему. Она была связана с низкой степенью социальной интеграции ссыльных в сибирское общество. Так, доля тех, кто стремился приписаться к сельским или городским сообществам, была крайне мала. За 1887–1896 гг. только 1,3 % от всех прибывших за это время ссыльнопоселенцев приписались к сельским обществам. Отчасти это было невыгодно ссыльным из экономических соображений, связанных с выплатами в капитал сельского общества и потерей пособий для ссыльных. С другой стороны, и старожилы не горели желанием их принимать в общество, так как хозяйства ссыльных были недоимочными, а это усиливало податную нагрузку на крестьян.

6. Симметричным ответом сибиряков на рост преступности и неспособность судебно-полицейских институтов обеспечить защиту от нее стали внесудебные расправы над ссыльными, сопровождавшиеся антигуманными проявлениями. Население вершило самосуд, игнорируя все

юридические процедуры. Естественно, что такой правовой нигилизм не способствовал утверждению цивилизованных гражданско-правовых отношений и норм гуманистического общества.

7. Ссылка влияла на многообразие этноконфессионального состава, что способствовало формированию сибирской идентичности. Сибиряк – это другой русский, который формируется как результат аккультурации многообразных этносов, что делало его картину мира полифоничной, не сводимой к монокультурной модели. С.Я. Елпатьевский, известный публицист, участник народнического движения, сам прошедший через сибирскую ссылку, писал о сибиряке: «среди разноплеменных, разноверных людей он не знает, не чувствует разделительных граней религиозных, национальных; он безграничный, внациональный, он сибиряк, он только областник. Он не по-русски реже и менее усердно молится, не по-русски ругается, и о пришедших из-за Урала говорит: "он российский"» (Елпатьевский, 1929: 202-203).

Литература

- Анучин, 1873** – Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827-1846 годов. СПб: тип. Майкова, 1873.
- Береговая, 2007** – Береговая Е.П. Польская политическая ссылка в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Красноярск, 2007.
- Воробьев, 1975** – Воробьев В.В. Формирование населения Восточной Сибири (географические особенности и проблемы). Новосибирск: «Наука», 1975.
- Гагемейстер, 1854** – Гагемейстер Л.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. СПб: тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии. 1854. Ч. II.
- Дело о клубе «Червонных валетов», 1997** – Дело о клубе «Червонных валетов». Заседание Московского окружного суда с участием присяжных заседателей, 8 февраля – 5 марта 1877 г. // Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века: [Сборник / Сост. И. Потапчук; Предисл. С. А. Андреевского]. Тула: Автограф, 1997. С.142-252.
- Елпатьевский, 1929** – Елпатьевский С. Я. Воспоминания за 50 лет. Л: Прибой. 1929.
- Иванов, 2014** – Иванов А.А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII-XIX вв.: Численность, размещение, использование в экономике региона // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. №1. С. 42-53.
- Кабузан, 1979** – Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX века (1795-1917 гг.) // *История СССР*. 1979. № 3. С. 22-38.
- Марголис, 1975** – Марголис А.Д. О численности и размещении ссыльных в конце XIX в. // Ссылка и каторга в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: «Наука». 1975. С. 223-237.
- Марголис, 1995** – Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России: исследования и архивные находки. М.: Изд-во «Лантерна»: «Вита», 1995.
- Материалы..., 1893** – Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Иркутск: Типография К. И. Витковской, 1893. Т. IV. Вып. 2.
- Миронов, 1999** – Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2-х тт. СПб., 1999. Т1.
- Памятная книжка..., 1863–1915** – Памятная книжка Енисейской губернии. Красноярск: Енисейская губернская типография. ... [по годам]. Красноярск, 1863–1915.
- Покшишевский, 1951** – Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Историко-географические очерки. М.: Иркут. обл. гос. изд-во, 1951.
- Пронин, 1981** – Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // *История СССР*. 1981. № 4. С. 50-69.
- Саломон 1900** – Саломон А.П. Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900.
- Семевский, 1901** – Семевский В.И. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. 2. СПб.: тип. М.М. Стасюлевич, 1901.
- Серошевский, 1908** – Серошевский В. Ссылка и каторга в Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды: сборник статей / под ред. И. С. Мельника. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1908. С. 209-241.
- Соловьёва, 1983** – Соловьёва Е.И. Расселение и положение ссыльных в Сибири во второй половине XIX в. // Политические ссыльные в Сибири (XVIII – начало XX в.). Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1983. С. 214-226.
- Статистический обзор..., 1871–1916** – Статистический обзор Енисейской губернии ... [по годам]. Красноярск, 1871–1916.
- Сысоев, 2003** – Сысоев А.А. Сибирское общество в контексте пенитенциарной политики Российского самодержавия // Сибирская ссылка. Иркутск. 2003. Вып. 5 (17).

Хламова, 2010 – Хламова А.М. Уголовная ссылка в Сибирь в представлениях власти и общества Российской империи второй половины XIX в.: основные итоги изучения. Автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. Омск 2010. 27 с.

Чудновский, 1886 – Чудновский С.Л. Колонизационное значение сибирской ссылки // *Русская мысль*. 1886. Кн. X. С. 40-66.

Шахеров, 2005 – Шахеров В.П. Сибирская ссылка и каторга как социально-культурный феномен / *Образы Сибири. Концептуализация русского Северо-Востока в культурологии*. Иркутск, 2005. С. 94-107.

Шиловский, 2004 – Шиловский М.В. Роль каторги и ссылки в заселении и освоении Сибири в XIX – начале XX в. // *Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века*. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 165-173.

Шнейдер, 1928 – Шнейдер А.Р. Население Приенисейского края. Красноярск: издание Бюро краеведения при Средне-сибирском отделе Русского географического общества, 1928.

Щапов, 1937 – Щапов А.П. Собрание сочинений: Дополнительный том к изданию 1905–1908 гг. Иркутск: Восточносибирское областное изд-во, 1937.

Ядринцев, 2003 – Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003.

References

Anuchin, 1873 – Anuchin, E.N. (1873). Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827-1846 godov [Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827-1846 godov]. SPb. tip. Maikova. [in Russian]

Beregovaya, 2007 – Beregovaya, E.P. (2007). Pol'skaya politicheskaya sсыlka v Eniseiskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. Avtoreferat diss. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [Polish political exile in the Yenisei province in the second half of the XIX – early XX centuries. Abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Krasnoyarsk. [in Russian]

Chudnovskii, 1886 – Chudnovskii, S.L. (1886). Kolonizatsionnoe znachenie sibirskoi sсыlki [The colonization significance of the Siberian exile]. *Russkaya mysl'*. 10: 40-66. [in Russian]

Delo o klube «Chervonnykh valetov», 1997 – Delo o klube «Chervonnykh valetov». Zasedanie Moskovskogo okruzhnogo suda s uchastiem prisyzhnykh zasedatelei, 8 fevralya – 5 marta 1877 g. [The case of the Jacks of Hearts club. The session of the Moscow District Court with the participation of jurors, February 8 – March 5, 1877]. *Russkie sudebnye oratory v izvestnykh ugovolnykh protsessakh XIX veka*: [Sbornik. Sost. I. Potapchuk; Predisl. S. A. Andreevskogo]. Tula: Avtograf. Pp. 142-252. [in Russian]

Elpat'evskii, 1929 – Elpat'evskii, S.Ya. (1929). Vospominaniya za 50 let. [Memories for 50 years]. L.: Priboi. [in Russian]

Gagemeister, 1854 – Gagemeister, L.A. (1854). Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po vysochaishemu ego imperatorskogo velichestva poveleniyu, pri Sibirskom komitete, deistvitel'nym statskim sovetnikom Gagemeisterom. [Statistical Review of Siberia, compiled by His Imperial Majesty's highest command, under the Siberian Committee, by the acting State Councilor Gagemeister]. SPb: tip. II Otd. Sobstv. e. i. vel. kantselyarii. Ch. II. [in Russian]

Ivanov, 2014 – Ivanov, A.A. (2014). Ugolovnaya sсыlka v Sibir' v XVII-XIX vv.: Chislennost', razmeshchenie, ispol'zovanie v ekonomike regiona. [Criminal exile to Siberia in the XVII-XIX centuries: Number, location, use in the economy of the region]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 1: 42-53. [in Russian]

Kabuzan, 1979 – Kabuzan, V.M. (1979). Zaselenie Sibiri i Dal'nego Vostoka v kontse XVIII – nachale XX veka (1795-1917 gg.). [Settlement of Siberia and the Far East in the late XVIII – early XX century (1795-1917)]. *Istoriya SSSR*. 3: 22-38. [in Russian]

Khlamova, 2010 – Khlamova, A.M. (2010). Ugolovnaya sсыlka v Sibir' v predstavleniyakh vlasti i obshchestva Rossiiskoi imperii vtoroi poloviny XIX v.: osnovnye itogi izucheniya. [Criminal exile to Siberia in the views of the authorities and society of the Russian Empire in the second half of the XIX century: the main results of the study]. Avtoreferat dis. ... kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.02. Омск. [in Russian]

Margolis, 1975 – Margolis, A.D. (1975). O chislennosti i razmeshchenii sсыl'nykh v kontse XIX v. [Prison and Exile in Imperial Russia: research and archival finds]. Sылka i katorga v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.). Novosibirsk: «Nauka». Pp. 223-237. [in Russian]

Margolis, 1995 – Margolis, A.D. (1995). Tyur'ma i sсыlka v imperatorskoi Rossii: issledovaniya i arkhivnye nakhodki [Prison and Exile in Imperial Russia: research and archival finds]. M.: Izd-vo «Lantern»: «Vita». [in Russian]

Materialy..., 1893 – Materialy po issledovaniyu zemlepol'zovaniya i khozyaistvennogo byta sel'skogo naseleniya Irkutskoi i Eniseiskoi gubernii. Eniseiskaya guberniya. [Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province]. Irkutsk: Tipografiya K. I. Vitkovskoi, T. IV. Vyp. 2. [in Russian]

Mironov, 1999 – Mironov, B.N. (1999). Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva

[The Social History of Russia during the Empire period (XVIII – early XX century): The genesis of personality, democratic family, civil society and the rule of law]. v 2-h t. izd. 2-e, ispravl. T. 2. SPb.: Izd. «D.Bulanin». [in Russian]

Pamyatnaya knizhka... – Pamyatnaya knizhka Eniseiskoi gubernii. [A commemorative book of the Yenisei province]. Krasnoyarsk: Eniseiskaya gubernskaya tipografiya. ... [po godam]. 1863–1915. [in Russian]

Pokshishevskii, 1951 – *Pokshishevskii, V.V.* (1951). Zaselenie Sibiri. Istoriko-geograficheskie ocherki. [Settlement of Siberia. Historical and geographical essays.] M.: Irkut. obl. gos. izd-vo. [in Russian]

Pronin, 1981 – *Pronin, V.I.* (1981). Naselenie Sibiri za 50 let (1863–1913 gg.) [The population of Siberia for 50 years (1863-1913)]. *Istoriya SSSR*. 4: 50–69. [in Russian]

Salomon, 1900 – *Salomon, A.P.* (1900). Ssylka v Sibir'. Ocherk ee istorii i sovremennogo polozheniya. [Exile to Siberia. An outline of its history and current situation.] SPb.: Tipografiya S.-Peterburgskoi tyur'my. [in Russian]

Semevskii, 1901 – *Semevskii, V.I.* (1901). Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ecatherine II [Peasants during the reign of Empress Catherine II]. T. 2. SPb.: tip. M.M. Stasyulevich. [in Russian]

Seroshevskii, 1908 – *Seroshevskii, V.* (1908). Ssylka i katorga v Sibiri [Exile and hard labor in Siberia]. Sibir', ee sovremennoe sostoyanie i nuzhdy: sbornik statei. Pod red. I. S. Mel'nika. Sankt-Peterburg: Izdanie A. F. Devriena. Pp.209-241. [in Russian]

Shakherov, 2005 – *Shakherov, V.P.* (2005). Sibirskaya ssylka i katorga kak sotsial'no-kul'turnyi fenomen. [Siberian exile and penal servitude as a socio-cultural phenomenon]. *Obrazy Sibiri. Kontseptualizatsiya russkogo Severo-Vostoka v kul'turologii*. Irkutsk. Pp. 94-107. [in Russian]

Shchapov, 1937– *Shchapov, A.P.* (1937). Sobranie sochinenii: Dopolnitel'nyi tom k izdaniyu 1905–1908 gg. [Collected Works: An additional volume to the 1905-1908 edition]. Irkutsk: Vostochnosibirskoe oblastnoe izd-vo. [in Russian]

Shilovskii, 2004 – *Shilovskii, M.V.* (2004). Rol' katorgi i ssylki v zaselenii i osvoenii Sibiri v XIX – nachale XX v. [The role of penal servitude and exile in the settlement and development of Siberia in the XIX – early XX centuries]. *Sibirskii plavil'nyi kotel: sotsial'no-demograficheskie protsessy v Severnoi Azii XVI – nachala XX veka*. Novosibirsk: Sibirskii Khronograf. Pp. 165-173. [in Russian]

Shneider, 1928 – *Shneider, A.R.* (1928). Naselenie Prieniseiskogo kraja. [The population of the Yenisei region]. Krasnoyarsk: izdanie Byuro kraevedeniya pri Sredne-sibirskom otdele Russkogo geograficheskogo obshchestva. [in Russian]

Solov'eva, 1983 – *Solov'eva, E.I.* (1983). Rasselenie i polozhenie ssyl'nykh v Sibiri vo vtoroi polovine XIX v. [Settlement and situation of exiles in Siberia in the second half of the XIX century]. *Politicheskie ssyl'nye v Sibiri (XVIII – nachalo XX v.)*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie. Pp 214-226. [in Russian]

Statisticheskii obzor... – Statisticheskii obzor Eniseiskoi gubernii ... [po godam] [Statistical review of the Yenisei province [by years]. Krasnoyarsk, 1871-1916. [in Russian]

Sysoev, 2003– *Sysoev, A.A.* (2003). Sibirskoe obshchestvo v kontekste penitentsiarnoi politiki Rossiiskogo samodержaviya. [Siberian Society in the context of the penitentiary Policy of the Russian Autocracy]. *Sibirskaya ssylka*. Irkutsk. Vyp. 5 (17). [in Russian]

Vorob'ev, 1975 – *Vorob'ev, V.V.* (1975). Formirovanie naseleniya Vostochnoi Sibiri (geograficheskie osobennosti i problemy). [Formation of the population of Eastern Siberia (geographical features and problems)]. Novosibirsk: «Nauka». [in Russian]

Yadrintsev, 2003 – *Yadrintsev, N.M.* (2003). Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii. [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. [in Russian]

Влияние ссылки на динамику социально-демографических и этнокультурных процессов в населении Енисейской губернии в XIX – начале XX в.

Вера Ивановна Федорова^{а,*}

^а Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Красноярск, Российская Федерация

Аннотация. В статье изучается влияние ссылных на динамику социально-демографических и этнокультурных изменений в населении Енисейской губернии на рубеже XIX-XX вв. Рассматривается численность, половозрастной, социально-сословный, этноконфессиональный состав, миграции ссылных, их роль в воспроизводстве населения, формировании рынка труда и новой социально-классовой структуры индустриально-урбанистического типа. Утверждается, что влияние ссылки было неоднозначно. С одной стороны, она увеличивала сельское население, что вело к консервации

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: vi-fedорова@yandex.ru (В.И. Федорова)

аграрного социума, с другой, – ускоряла социальную дифференциацию в деревне, формировала рынок рабочей силы. В то же время качество рабочей силы в лице ссыльных было крайне низким, что обусловило сохранение полукрепостнических форм эксплуатации, занижение реальной стоимости труда наемных работников и усугубляло статус Сибири как колониальной окраины.

Являясь по своему составу полиэтничной, ссылка способствовала формированию сибирской идентичности, являвшейся результатом аккультурации разных этносов, что делало сибирское общество восприимчивым к культурному опыту и ценностям других народов.

Ключевые слова: ссылка, ссыльные, штрафная колонизация, механический, естественный прирост населения, брачность, половозрастная структура, социально-классовая структура, этноконфессиональный состав, миграции, аккультурация.